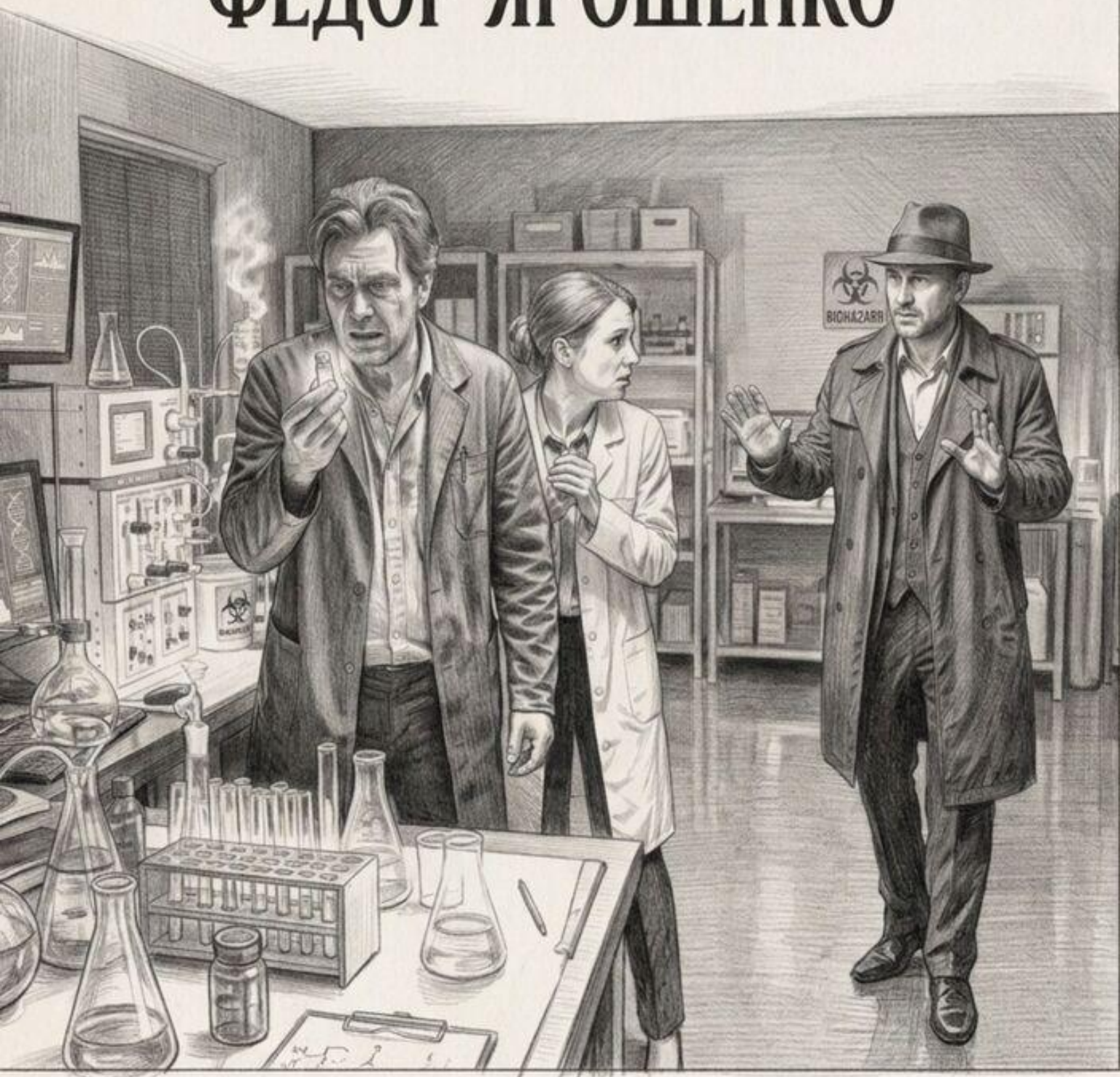

ФОРМУЛА ЗАБВЕНИЯ

ФЕДОР ЯРОШЕНКО

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН С ХИМИЧЕСКИМ УКЛОНОМ
РОМАН О ЛЮБВИ, ПОТЕРЕ И ГЛАВНОЙ ФОРМУЛЕ.

Федор Ярошенко

Формула забвения

«Издательские решения»

Ярошенко Ф. А.

Формула забвения / Ф. А. Ярошенко — «Издательские решения»,

Гибель выдающегося профессора НИИ прикладной химии Артёма Ковалёва выглядит как рядовой инфаркт, но опытный следователь Игорь Волков чувствует неладное. Вместе с бескомпромиссным экспертом-токсикологом Анной Соколовой он выходит на след уникального препарата К-17. Загадочные подделки в лабораторном журнале, смертельный заговор, отчаявшаяся жажда спасения и атмосфера смертельной опасности сплетаются в захватывающий детективный детектив, где каждый шаг приближает к разгадке.

Содержание

ФОРМУЛА ЗАБВЕНИЯ	6
Пролог	6
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 5	13
Глава 6	14
Глава 7	15
Глава 8	16
Глава 9	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Формула забвения

Федор Александрович Ярошенко

© Федор Александрович Ярошенко, 2026

ISBN 978-5-0071-1193-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФОРМУЛА ЗАБВЕНИЯ

роман

Оглавление

Пролог

Дождь начался около десяти и не думал заканчиваться.

Артём Ковалёв сидел в своём кабинете на третьем этаже НИИ прикладной химии, и настольная лампа была единственным источником света на всём этаже — остальные окна давно погасли. Он любил работать по вечерам, когда институт затихал и переставал напоминать растревоженный улей: ни студентов, ни аспирантов, ни бесконечных совещаний. Только вытяжка тихо гудела в лаборантской, да где-то в коридоре щёлкали реле старой вентиляции.

Он придвинул к себе тетрадь в потрёпанной коленкоровой обложке — ту самую, куда никогда ничего не записывал в электронном виде, — и вывел на чистой странице несколько строк своим убористым, неровным почерком. Потом зачеркнул одну строчку, подумал и зачеркнул ещё одну.

За два дня до этого он обнаружил в журнале расхождение. Незначительное, на первый взгляд, — партия реагента, списанная как использованная в контрольном синтезе, которого он не проводил. Кто-то работал с К-17 в его отсутствие. Кто-то, у кого был доступ к сейфу с промежуточными образцами.

Ковалёв не был наивным человеком. Он тридцать лет проработал в химии, и за эти тридцать лет успел убедиться, что самые опасные вещества — не те, что взрываются, а те, что медленно меняют человека изнутри: жадность, страх, отчаяние. К-17 обладало этим свойством в буквальном смысле. Он создавал его как лекарство. Но у всякого лекарства есть обратная сторона дозы.

н поднял трубку старого институтского телефона — мобильный лежал в кармане пальто, а мобильный, как он в последнее время начал подозревать, было не самое разумное средство для этого разговора, — и набрал номер, который помнил наизусть.

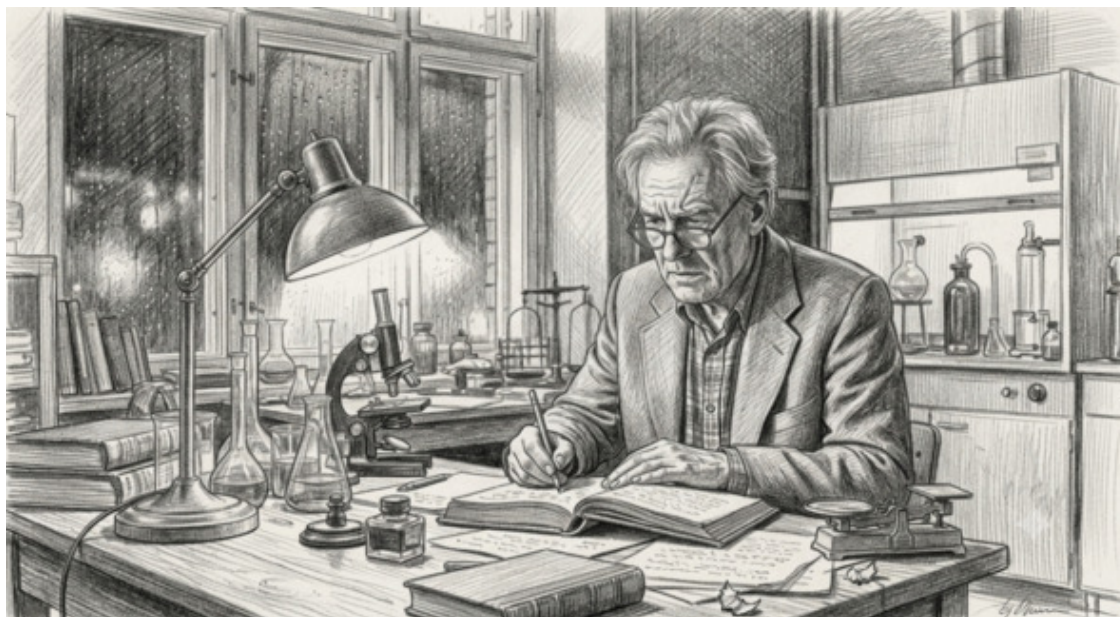
— Это я, — сказал он, когда на том конце ответили. — Нам нужно встретиться. Не по телефону. Я нашёл кое-что в журнале, и мне не нравится то, что я нашёл.

Он выслушал ответ, кивнул, будто собеседник мог его видеть, и произнёс последнюю в своей жизни фразу, не подозревая об этом:

— Завтра. В лаборатории, после шести. Только вдвоём.

Он положил трубку, закрыл тетрадь и запер её в верхнем ящике стола — туда, где полтора десятка лет держал только то, что не предназначалось для чужих глаз.

За окном не переставая шёл дождь.

Глава 1

Тело обнаружила уборщица в шесть сорок утра — обычное время для её обхода третьего этажа, — и Игорь Волков, приехав на место без четверти восемь, первым делом отметил про себя две вещи.

Первая: дверь лаборатории была заперта изнутри на защёлку, но не на ключ, — то есть кто-то мог войти и выйти, не оставив следов взлома.

Вторая: тело профессора Ковалёва лежало на полу возле вытяжного шкафа в странно спокойной позе — не как человек, схватившийся за сердце в приступе боли, а как человек, который просто сел и медленно завалился набок.

— Дежурный врач констатировал острую сердечную недостаточность, — сказал участковый, молодой парень, явно нервничавший от присутствия следователя из области. — Возраст, нагрузки, всё сходится. Соседи говорят, он часто задерживался допоздна.

Волков присел на корточки возле тела, не торопясь прикоснуться к чему-либо. Ему было тридцать восемь, и за пятнадцать лет в органах он выработал одну простую привычку: не верить первому объяснению, которое кто-то предлагает ему бесплатно, ещё до того, как он успел задать хоть один вопрос.

— Сходится, — согласился он вслух, не оборачиваясь. — Только вот руки.

— Что руки?

— Посмотри на пальцы. — Волков указал, не касаясь. — Синеватый оттенок под ногтями. При обычном инфаркте такого не бывает так быстро и так равномерно.

Участковый нахмурился, явно не зная, что на это ответить. Волков и сам пока не знал, что это означает — он не был врачом, — но за годы работы усвоил, что мелочи, которые не складываются в картину, обычно значат больше, чем те, что складываются слишком хорошо.

Он обвёл взглядом лабораторию. Ряды вытяжных шкафов, штативы с колбами, компьютер с заставкой в виде вращающейся молекулы, на стене — таблица Менделеева, пожелтевшая от старости больше, чем от возраста самой таблицы. На столе рядом с телом — раскрытый лабораторный журнал, ручка откатилась к краю, будто выпала из руки.

— Кто последний видел его живым?

— Охранник на вахте. Говорит, профессор ушёл из здания около половины десятого вчера вечером, а потом, видимо, вернулся — по пропуску это фиксируется, доступ был в двадцать три ноль пять. Больше никто не заходил и не выходил всю ночь, по журналу.

— По журналу, — повторил Волков без всякого выражения, вставая с корточек и отряхивая колени. — Значит, будем смотреть, что журнал не показывает.

Он ещё раз посмотрел на застывшее лицо Ковалёва — на нём не было ни гримасы боли, ни удивления, ничего, кроме странного, почти безмятежного спокойствия, — и подумал, что это спокойствие ему решительно не нравится.

— Вызывайте экспертов, — сказал он. — Полную токсикологию. И найдите мне номер человека, который лучше всех в этом городе разбирается в ядах, потому что нашему штатному эксперту, подозреваю, эта картина не по зубам.

Глава 2

Заключение легло на стол Волкова три дня спустя, и он прочитал его дважды, прежде чем понял, что именно его не устраивает.

Штатный эксперт-токсиколог, немолодой Валерий Петрович, из тех, что дорабатывают до пенсии, не напрягаясь сверх необходимого, констатировал острую сердечную недостаточность на фоне общего переутомления и, вскользь, «возможное наличие следовых количеств неустановленного соединения, не влияющего на итоговое заключение о причине смерти».

Волков перечитал последнюю фразу три раза.

Не влияющего. Как можно с уверенностью утверждать, что вещество не влияет на причину смерти, если само вещество не установлено?

Он позвонил Валерию Петровичу и получил в ответ то, что и ожидал получить: усталое раздражение человека, для которого лишний вопрос означает лишнюю неделю бумажной работы.

— Игорь Дмитриевич, ну что вы хотите от меня. Спектр смазанный, возможно, артефакт пробоподготовки, возможно, следы какого-то лабораторного реагента — человек всё-таки химик, работал в лаборатории, чего вы удивляетесь. Причина смерти установлена, сердце.

— А если это не артефакт?

— Тогда напишите запрос на расширенную экспертизу в областной центр, — сказал Валерий Петрович тоном человека, который заранее знает, что этого не случится. — У меня обуродование не той чувствительности.

Волков написал запрос в тот же день. И, не дожидаясь официального ответа, начал наводить справки сам — потому что за годы работы усвоил ещё одну вещь: бюрократия рано или поздно ответит, но к тому времени след может остыть безнадёжно.

Ему называли одно имя чаще, чем прочие: Соколова Анна Сергеевна, доцент кафедры токсикологии университета, тридцать три года, специалист по анализу синтетических соединений, известная в узких кругах тем, что дважды находила в судебных экспертизах ошибки, которые официальные лаборатории предпочли бы не находить.

— Она с характером, — предупредила его секретарь кафедры по телефону, когда он попытался договориться о встрече. — Многие следователи с ней потом не хотят работать второй раз.

— Меня это не пугает, — сказал Волков, хотя, если быть честным с самим собой, некоторое сомнение всё же закралось.

Глава 3

Кабинет Анны Соколовой на кафедре токсикологии больше напоминал не университетскую комнату, а филиал лаборатории: полки, забитые справочниками и журналами вперемешку с образцами в закрытых контейнерах, на столе — три монитора, на одном из которых бесконечно крутился график масс-спектра.

Она не встала навстречу, когда Волков вошёл, — лишь коротко взглянула поверх очков и снова уткнулась в экран.

— У вас три минуты, — сказала она. — У меня через четверть часа лекция, и я не люблю опаздывать.

— Тогда буду краток. — Волков сел напротив, не дожидаясь приглашения. — Профессор Ковалёв, НИИ прикладной химии. Официальная версия — сердечная недостаточность. Штатный эксперт нашёл следы неустановленного вещества и решил, что это неважно.

Это заставило её наконец полностью повернуться к нему.

— Неустановленного вещества, — повторила она таким тоном, будто он произнёс что-то оскорбительное. — И он решил, что это неважно?

— Его слова, не мои.

Она протянула руку.

— Дайте посмотреть заключение.

Волков передал ей папку. Она пробежала глазами страницы — быстро, привычно, — и с каждой секундой на её лице проступало выражение, которое Волков про себя определил как смесь профессионального возмущения и азарта.

— Спектр не смазанный, — сказала она наконец, не поднимая глаз. — Спектр нечитаемый для оборудования его уровня чувствительности, это разные вещи. Это не значит, что вещества нет. Это значит, что у него нет инструмента, чтобы его увидеть.

— Вы можете его увидеть?

Она посмотрела на него — прямо, оценивающе, будто взвешивала не столько вопрос, сколько его самого.

— Я могу попытаться. Но мне нужен доступ к оригинальным образцам, а не к чужим выводам. И мне нужно, чтобы вы понимали: если я найду там что-то, я не буду подгонять результат под вашу версию следствия. Я скажу то, что скажет анализ, и точка.

— Меня это устраивает, — сказал Волков. — Мне не нужна удобная версия. Мне нужна правильная.

Она чуть прищурилась, будто проверяя его слова на прочность, потом кивнула — коротко, по-деловому.

— Хорошо. Организуйте мне официальный допуск к материалам дела и образцам к завтрашнему утру. И ещё одно, следовательно...

— Волков.

— Следовательно Волков. — Она снова повернулась к монитору, давая понять, что разговор окончен. — В следующий раз, когда придёте, не садитесь без приглашения. Это мелочь, но мелочи имеют значение. В моей профессии — особенно.

Волков вышел из кабинета с ощущением, что нажил себе одновременно ценного союзника и довольно неудобного человека в своей жизни — и что эти два обстоятельства, кажется, будут сопутствовать друг другу ещё очень долго.

Глава 4

Официальный допуск оказался не таким простым делом, как рассчитывал Волков.

Директор НИИ, Валентин Осипович Крамов, встретил его с той особой вежливостью, за которой обычно прячется желание как можно быстрее закрыть неудобный вопрос.

— Игорь Дмитриевич, вы должны понять институт правильно, — говорил он, барабанил пальцами по столу. — Артём Николаевич был человеком выдающимся, его смерть — трагедия для всего коллектива. Но у нас режимные допуски, часть работ проходит по закрытой тематике. Я не могу просто открыть двери лаборатории кому угодно.

— Анна Сергеевна Соколова — не кто угодно, а сертифицированный эксперт, привлечённый следствием, — сказал Волков ровно. — И если у вас режимные допуски, Валентин Осипович, это только усиливает мой интерес, а не ослабляет его.

Крамов поджал губы, но спорить не стал — видимо, решил, что лучше уступить в малом, чем провоцировать следствие копать глубже.

Ларин, заместитель Ковалёва, встретил их у входа в лабораторию сам — высокий, подтянутый, с той сдержанной энергией человека, который явно привык быть на виду и держать всё под контролем.

— Дмитрий Андреевич Ларин, — представился он, пожимая руку сначала Волкову, потом, чуть дольше задержав взгляд, Анне. — Я замещал Артёма Николаевича последние два года на административной части, но по науке мы работали параллельно, каждый над своим направлением. Ужасная потеря. Для науки, для института, для всех нас лично.

— Вы хорошо его знали? — спросила Анна.

— Пятнадцать лет вместе проработали. — Ларин вздохнул, и вздох показался Волкову чуть более отрететированным, чем следовало бы для искреннего горя. — Он был гением, но гением непростым. Одиночка. Много держал при себе.

— В том числе тематику последних работ? — уточнил Волков.

Ларин чуть замешкался.

— В том числе, да. К-17 — это было его личное детище, он вёл его практически без соавторов, что, честно говоря, было не совсем по регламенту, но Крамов закрывал на это глаза — Ковалёв столько лет приносил институту гранты, что ему прощали многое.

Анна тем временем уже прошла к вытяжному шкафу, возле которого было найдено тело, и присела на корточки, разглядывая пол и поверхности с тем вниманием, с каким иные разглядывают музейные экспонаты.

— Здесь мыли пол, — сказала она, не оборачиваясь.

— Разумеется, — ответил Ларин. — Как только тело увезли, у нас плановая уборка режимных помещений, это стандартная процедура...

— До завершения экспертизы место преступления мыть было нельзя, — жёстко сказал Волков.

— Мы не знали, что это место преступления, — парировал Ларин с той же ровной вежливостью. — Нам сказали — сердечный приступ.

Волков промолчал, но отметил про себя: слишком быстро, слишком аккуратно всё убрано для места, где просто умер уставший человек.

Глава 5

Лабораторный журнал Ковалёва Анна изучала два дня, прежде чем позвонила Волкову с одной короткой фразой:

— Приезжайте. Мне нужно вам кое-что показать, и это не телефонный разговор.

Он приехал через сорок минут. Она разложила на столе распечатки — страницы журнала рядом с таблицей расходов реагентов со склада института.

— Смотрите сюда, — она указала на одну из строк. — Двенадцатого числа списана партия реагента для контрольного синтеза К-17. Здесь, в журнале, запись рукой Ковалёва о том, что синтез проведён и дал отрицательный результат. Но вот его же запись в личном рабочем блокноте за тот же день — тот, что мы нашли в его сумке.

Она положила рядом ксерокопию страницы блокнота.

— В этот день, согласно блокноту, он весь день провёл на конференции в области. Он физически не мог проводить синтез в лаборатории.

Волков взгляделся в обе страницы.

— То есть запись в журнале — подделка?

— Либо подделка, либо кто-то другой проводил синтез и записал это как его работу, чтобы не оставлять собственного следа в документах. — Анна откинулась на спинку стула, потирая переносицу. — И это не единичный случай. Я нашла ещё три таких расхождения за последние два месяца. Кто-то использовал доступ Ковалёва к реагентам и лаборатории, пока его не было на месте, и аккуратно вписывал результаты в его журнал задним числом.

— Значит, у кого-то был доступ и к лаборатории, и к его журналу.

— И достаточно знаний по химии, чтобы понимать, что именно синтезировать и как записать это правдоподобно, — добавила она. — Это сужает круг подозреваемых до тех, кто действительно разбирается в органическом синтезе такого уровня. Случайный человек так не подделает.

Волков помолчал, обдумывая.

— Ларин.

— Возможно. Но не только он. — Анна побарабанила пальцами по столу — жест, который, как заметил Волков, появлялся у неё всякий раз, когда она формулировала мысль, которая ей самой не до конца нравилась. — Есть ещё несколько человек с доступом такого уровня. Я составлю список, но мне нужны личные дела, а это уже по вашей части.

— Договорились. — Он собрал бумаги. — Хорошая работа, Соколова.

Она посмотрела на него с лёгким удивлением, будто не ожидала услышать что-то похожее на комплимент.

— Не привыкайте, следовательно. Я просто делаю свою работу так, как её нужно делать. Это не повод для похвалы, это норма, которая почему-то стала редкостью.

Глава 6

Марина Гроссман согласилась на встречу не в институте — она уже два года как оттуда ушла, — а в маленькой кофейне неподалёку от университета, и весь её вид, когда она села напротив Волкова и Анны, говорил о том, что согласие далось ей не без внутренней борьбы.

— Я слышала, что он умер, — сказала она сразу, без предисловий. — И, наверное, вы ждёте, что я скажу что-то вроде «туда ему и дорога». Не дождётесь. Я не желала ему смерти. Я просто больше не хотела иметь с ним ничего общего.

— Расскажите, что произошло, — мягко попросила Анна.

Марина помолчала, вертя в руках бумажный стаканчик.

— Три года я была его аспиранткой. Работала над темой, смежной с К-17, — не над самым соединением, но над методикой синтеза его предшественников. И когда пришло время публикации первой серьёзной статьи, оказалось, что моё имя в списке авторов идёт третьим, после его и после Ларина, хотя основную часть работы сделала я. Когда я попыталась это оспорить, мне вежливо объяснили, что «в науке так принято» и что «молодым специалистам нужно набираться терпения».

— И вы ушли.

— Я ушла, — подтвердила Марина с горечью. — Написала заявление, забрала диплом и с тех пор работаю в частной лаборатории, где, по крайней мере, честно понятно, кому что принадлежит.

— Вы поддерживали контакт с кем-то из института после ухода? — спросил Волков.

Марина чуть замаялась.

— С Севой иногда переписывалась. Лаборант, хороший мальчик, единственный, кто по-человечески со мной попрощался, когда я уходила. Остальных я старалась не видеть.

— С Севой Дорохиным? — уточнила Анна, и что-то в её голосе заставило Волкова насторожиться.

— Да, а что?

— Ничего, — сказала Анна слишком быстро для человека, которому действительно ничего не показалось важным. — Просто уточняю круг знакомств.

Когда они вышли из кофейни, Волков спросил напрямую:

— Что вас зацепило в имени лаборанта?

— Пока не уверена, — ответила Анна, доставая телефон. — Но в списке допусков к лаборатории К-17, который мне передал институт, Сева Дорохин указан как человек с минимальным уровнем доступа — только уборка оборудования, никакого допуска к синтезу. А в одной из подделанных записей журнала, которую я нашла, есть пометка мелким почерком на полях — инициалы «С.Д.». Может быть, ничего не значит. А может быть, лаборант знает больше, чем должен.

Глава 7

Они сидели в машине Волкова у обочины, дождь снова моросил по лобовому стеклу, и включённая печка едва справлялась с сыростью, забравшейся в салон вместе с ними.

— Вы всегда работаете допоздна? — спросил Волков, просматривая записи. — Не в обиду, но у большинства учёных, с которыми мне доводилось иметь дело, рабочий день заканчивается в шесть.

— У большинства учёных нет причины избегать пустой квартиры, — ответила Анна и, кажется, сама удивилась тому, что сказала это вслух. Она быстро добавила, будто закрывая тему: — Работа мне интереснее сериалов, вот и всё.

Волков не стал развивать тему — не потому, что не заметил, а потому, что за годы допросов научился чувствовать, когда человек приоткрыл дверь, но не готов её распахнуть.

— У меня дочь, — сказал он вместо этого, не совсем понимая, зачем делится этим. — Настя, десять лет. Живёт с матерью, я забираю её по выходным. И знаете, что забавно? Она обожает всё, что связано с опытами — ей на день рождения подарили детский набор юного химика, и теперь она через слово спрашивает меня, из чего сделан гром и почему листья зелёные.

Уголок губ Анны едва заметно дрогнул — первая настоящая улыбка, которую он у неё увидел.

— Это неплохой набор вопросов для десятилетнего человека. Гораздо лучше, чем те, что мне обычно задают взрослые.

— Например?

— Например, «а нельзя ли ускорить экспертизу к пятнице, у меня отчётность». — Она покачала головой. — Химия не подчиняется дедлайнам следствия, следовательно. Реакция идёт столько, сколько идёт.

— Волков, — сказал он. — Можете называть меня по имени. Мы всё-таки не первый день работаем вместе.

Она посмотрела на него — на этот раз чуть дольше, чем требовалось для простого ответа.

— Хорошо, Игорь. Тогда и вы зовите меня Анной, а не «Соколова», как будто зачитываете протокол.

Момент тишины между ними был неловким, но не неприятным — тем особым видом неловкости, что возникает, когда два человека, привыкших держать дистанцию, вдруг обнаруживают, что дистанция сократилась сама собой, без всякого умысла с их стороны.

— Завтра результаты по образцам из вытяжного шкафа, — сказала Анна, возвращаясь к делу чуть более резко, чем требовалось. — Если я права насчёт структуры соединения, у нас будет прямое доказательство, что это убийство, а не несчастный случай.

— Тогда до завтра, Анна, — сказал Волков.

Глава 8

Виктор Шпак оказался не тем, кого ожидал увидеть Волков, — не лощёным столичным переговорщиком, а грузным мужчиной за пятьдесят с усталыми глазами человека, который слишком долго летает командировочными рейсами.

— «Биофарм-Юг» интересовался разработкой Ковалёва последние восемь месяцев, — сказал он без обиняков, когда Волков и Анна пришли к нему в гостиничный номер, где он остановился по делам. — Не буду скрывать: если К-17 действительно то, чем кажется — прорывной препарат для нейродегенеративных заболеваний, — это огромный рынок. Мы вели переговоры о покупке лицензии на дальнейшую разработку.

— Переговоры шли успешно? — спросила Анна.

Шпак поморщился.

— Не особенно. Ковалёв был неуступчив. Требовал гарантий, что препарат не будет заморожен ради других коммерческих интересов компании, настаивал на пунктах контракта, на которые наше юридическое управление не готово было соглашаться. Мы встречались в последний раз десять дней назад, разговор закончился на не самой дружелюбной ноте.

— Насколько недружелюбной? — уточнил Волков.

— Он сказал, что скорее сожжёт все свои записи, чем отдаст разработку компании, которая, цитирую, «посчитает жизни пациентов строкой в квартальном отчёте». — Шпак развёл руками. — Резко, но, поверьте, я слышал вещи и похуже за свою карьеру. Это не повод для убийства, следовательно. Убить учёного — плохая бизнес-стратегия. Вместе с ним умирает и вся его работа, если она должным образом не задокументирована. Нам гораздо выгоднее было его переубедить, чем терять единственного человека, который понимает формулу до конца.

Когда они вышли из гостиницы, Анна заметила задумчиво:

— Он прав в одном. Убийство эксперта, монопольно владеющего знанием, обычно невыгодно тому, кто хочет это знание получить. Если только...

— Если только убийца не был уверен, что знание можно получить и без Ковалёва, — закончил за неё Волков. — Например, если у него уже был доступ к нужным материалам.

Они посмотрели друг на друга с одинаковым выражением — тем узнаванием, которое приходит, когда два человека одновременно натыкаются на одну и ту же мысль.

— Ларин, — сказали они почти одновременно.

— Но у нас пока ничего, кроме подозрений и подделанных записей, — добавила Анна. — Этого недостаточно.

— Значит, будем искать достаточно, — сказал Волков.

Глава 9

Обыск кабинета Ковалёва санкционировали только на пятый день — Крамов тянул с формальностями до последнего, ссылаясь то на режимный статус помещения, то на отсутствие нужной подписи в столичном ведомстве, и Волков всё яснее понимал, что промедление директора института не было случайным.

Кабинет оказался маленьким, тесным от книг помещением на том же третьем этаже — узкий стол, два шкафа с папками, продавленное кресло, в котором, судя по вытертой обивке, профессор проводил куда больше времени, чем полагалось по нормативам охраны труда.

— Ищем всё, что не является официальной документацией, — сказал Волков понятым.
— Личные записи, блокноты, всё нестандартное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.